
Екатерина Лыткина

ПРОТЕСТУЮЩИЕ И ВЛАСТЬ: МОДИФИКАЦИЯ «МЯТЕЖА» МЕРТОНА ДЛЯ АНАЛИЗА ДИСКУРСА (КЕЙС – СТАДИ ГОЛОДОВКИ МАТЕРЕЙ)

Рассматривается роль дискурса в формировании восприятия протеста, в ходе которого выдвигаются социальные требования, особое внимание уделяется тактикам протестующих. Предполагается, что «успех» протеста определяется различными дискурсами, возникающими вокруг него с разной степенью интенсивности. Обращаясь к концепции «мятежа» Роберта Мертона, автор предлагает типологию для анализа репрезентаций протестных коллективных действий в СМИ. Используя объяснение протеста Теда Гарра через понятие «относительной депривации», автор фокусируется на действиях групп наиболее подверженных социально-экономической депривации и выдвигающих преимущественно социальные требования. Подобный протест определяется через принятие протестующими институционализированных – конвенциональных – целей при использовании для их достижения средств разной степени легитимности. Последняя переопределяется через способы репрезентации в дискурсе и в конечном счете обуславливает реакцию со стороны властных структур. Для иллюстрации представленной схемы рассматривается кейс голодовки многодетных матерей в Волгоградской области (февраль 2014 г).

Ключевые слова: протест, мятеж, дискурс, депривация

Если большинство исследователей склонны говорить об активизации общественных движений в сфере политики, что было вызвано сообщениями о массовых подтасовках на выборах в Государственную думу 4 декабря 2011 г. (Oates 2013), то, по мнению Карин Клеман, протесты происходили всегда, но лишь «с конца 2011 года... протестное движение приобрело более

Екатерина Лыткина – аспирант кафедры общей социологии, стажер-исследователь Лаборатории сравнительных социальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Россия. Электронная почта: elytkina@hse.ru.

респектабельный вид» (Клеман 2013: 7). Одним из ключевых объяснений возникновения протеста является понятие «относительная депривация», или восприятие актором «расхождения между его ценностными ожиданиями и ценностными возможностями» (Гарр 2005: 61). Под первыми понимаются «блага и условия жизни, на которые, как убеждены люди, они могут с полным правом претендовать», под вторыми – «блага и условия, которые они, по их мнению, могли бы получить и удерживать» (Гарр 2005: 61). Тед Гарр описывает три основных сценария, приводящих к депривации: снижение возможностей при росте ожиданий, снижение возможностей при сохранении ожиданий на прежнем уровне и сохранение возможностей при росте уровня ожиданий (Анурин 2005: 16).

Мы решили обратиться к одному из истоков концепции депривации – теории Роберта Мертона (Анурин 2005: 15), рассматривающего данный феномен как возможный результат конфликта между чрезмерно акцентуируемой в обществе целью и доступными средствами для ее достижения. Одной из реакций на данный конфликт является «мятеж» – концепция, ключевая для нашего анализа. В центре внимания, таким образом, оказывается субъект протеста – Гарр отмечает «относительность» депривации, то есть таковой она становится, когда люди ощущают фрустрацию ожиданий (Гарр 2005: 61–62). Мы предполагаем, что полноценный анализ протеста возможен через изучение дискурсов, возникающих вокруг него. Выдвинутые требования и тактики протестующих формируют дискурс, а он, в свою очередь, определяет развитие конфликтной ситуации и, как будет показано в нашем анализе, – возможные рамки действий властей.

В центре нашего внимания – протест, вызванный социально-экономической депривацией, – в нем участвуют, прежде всего, определенные социальные группы и выдвигаются преимущественно социальные требования. Центральной проблематикой статьи является изучение влияния дискурса на динамику протестных действий и ответную реакцию властей. Нами предлагается на основе модификации теории Мертона механизм анализа дискурса, позволяющий выделять разные типы протестных акций.

Отметим, что несмотря на близость используемых Мертоном и Гарром понятий (цели – средства их достижения, ожидания – возможности), их ценностную составляющую, мы склонны разводить эти концепции. Подход Мертона предполагает обращение к структуре общества в широком контексте, или к анализу действий в сложившихся обстоятельствах в узком. Подход Гарра описывает конкретную ситуацию восприятия обществом социальной политики. Так, относительная депривация, вызванная сужением возможностей или ростом ожиданий, ведет к адаптации индивидов на деятельностном уровне (принятие или отторжение постулируемых целей и средств их достижения).

В начале статьи мы обратимся к понятию социальных протестов в российском контексте, затем охарактеризуем специфику социального государства в связке с причинами возникновения протестов, уделим внимание понятию

«мятеж» и предложим его модификацию. Используя дискурс-анализ, рассмотрим представленную схему на примере конкретного кейса – голодовки многодетных матерей в Волгоградской области. В заключение мы проанализируем роль дискурса в конструировании репрезентаций тактик протестующих и покажем его влияние на возможный сценарий ответных действий властей.

Социальный протест в российском контексте

В литературе, посвященной протестным действиям в России, говорится о «социальных движениях» (Клеман 2013), либо о «социальном активизме» (Климов 2014), которые определяются следующим образом: «продолжительная кампания, которая выдвигает социальные требования и производит общие ценности и эмоции, ... обращается к широкой публике за пониманием и поддержкой и опирается на организации, коалиции, солидарности» (Клеман 2013: 19). Таким образом, выделяются элементы социального движения: общественная кампания, социальные требования, публика, организации, коалиции и солидарности между участниками движения, ценностный и эмоциональный компонент (Клеман 2013: 20–21). Участники движения объединены «стремлением решить общую социальную задачу. В случае расширения <...> социальное движение переходит от общего к общественному делу и уже отстаивает свое видение общего блага» (Клеман 2013: 520).

Это видение позволяет отделить социальное движение от гражданского и политического, хотя, по мнению Клеман, не следует разделять социальный и политический протест, поскольку «нередки случаи, когда в процессе борьбы кругозор активистов расширяется, ... они выходят за пределы своей узкой и специфичной проблемы и поднимают глобальные темы» (Клеман 2013: 9). Однако по итогам исследования автор констатирует, что в обществе есть лишь «зачатки политического». Социальные движения перерастают в гражданские, поскольку «перерастанию в политическое движение мешает отсутствие программы, неоднозначное отношение к социальным конфликтам и различиям, неразвитость сферы публичной дискуссии» (Клеман 2013: 540). В свою очередь, Иван Климов утверждает, что

протесты, вызванные недовольствами социальной политикой, не обладают достаточной мобилизующей силой, для того чтобы стать значимым фактором общественной жизни, <...> не смогли сформировать потребность в необходимости диалога с властью и инструментов агрегирования мнений и критики <...> ни одно из этих событий не оказало заметного влияния на институционализацию гражданской активности (Климов 2014: 202).

Мы предполагаем, что ярким примером протеста, вызванного ситуацией депривации, является протест социальных групп, не обладающих возможностями для реализации ценностных ожиданий. Это могут быть такие группы, как многодетные матери, инвалиды, ВИЧ-инфицированные. Они в наибольшей степени склонны выдвигать специфические, локальные требования

(доступ к детским садам, удобная городская инфраструктура, качественное бесплатное лечение). Причиной возникновения подобного протеста может служить ситуация нереализованности (например, несоответствия провозглашенной политики формальным нормам законодательства) или упразднение государством существовавших ранее социальных прав граждан. Примером географической локализации депривированных групп могла бы служить описанная Натальей Зубаревич «Вторая Россия». Это четверть населения, представляющая промышленные и моногорода (от 20 до 500 тыс. чел. жителей) со значительной долей индустриальной занятости, большим числом бюджетников, низкой степенью развития малого бизнеса. В данной группе превалирует «борьба за занятость и зарплату», что делает жителей «равнодушными к проблемам, волнующим средний класс» (Зубаревич 2011), или так называемую «первую Россию». В случае экономического кризиса эта группа подвергнется наибольшему удару, может стать «главным мотором протеста с требованием работы и зарплаты, что усилит давление на власть с целью принятия популистских решений» (Зубаревич 2011). Автор отмечает, что «власти осознают опасность протеста «второй России», знают, как его погасить» (Зубаревич 2011). Подобное было сделано с помощью повышения на треть трансфертов регионам и увеличения в несколько раз поддержки занятости в 2009 г.

Однако стоит отметить однобокость подобного подхода, поскольку депривация происходит и в «первой России» – крупных городах, характеризующихся большим разбросом экспектаций, резким контрастом между различными социальными слоями и группами, и, следовательно, большей степенью относительной, а не абсолютной депривации, способной по мнению Гарра, вызвать протестные движения.

Иными словами, протест может локализоваться среди наиболее депривированных в социально-экономическом и географическом плане слоев населения, но не ограничивается ими. Тем не менее центральной силой, способной вызвать протестные настроения граждан, становятся определенные стратегии в социальной политике и экономические реформы, ведущие к нарушению социальных прав. Эта ситуация является особенно специфичной для постсоциалистических стран (Vanhuysse 2006).

«Невыкупленные права» как причина протеста

Если следовать логике Льва Якобсона, социальная политика России имеет значительные сходства с советской системой, прежде всего, им отмечается «институционализированный разрыв между провозглашаемыми и реализуемыми социальными правами» (Якобсон 2006: 65). Таким образом, и после распада СССР правительство проводило реформы в социальной и экономической сфере, не компенсируя потери граждан от их проведения. Более того, власти сопровождали новую политику риторикой справедливости и символическими правовыми гарантиями, однако, не предоставляли

действительных механизмов их реализации на практике. В таких условиях опасной становится «мягкость» обязательств со стороны государства, воплощающаяся в отказе от выкупа нереализованных прав граждан. Невыполнение обещанного или постулированного, или же сокращение существующих возможностей вследствие реформ, свойственные подобной социальной политике, создают условия для возникновения протестов граждан. Якобсон отмечает, что такой отказ требует «выкупа» – нужны «либо экономические компенсации права как такового. . . , либо принятие крупных репутационных издержек» (Якобсон 2006: 64). Однако легитимация законности требований о «выкупе» нереализованных прав происходит, прежде всего, в возникающем вокруг конфликтной ситуации дискурсе. Тактики протестующих направлены на привлечение внимания властей и широких слоев общества к несоответствию уровня их жизни провозглашенным идеалам. Дискурс обладает способностью определять и круг уступок, на которые власти будут готовы пойти. Как нам представляется, предложенное Мертоном определение депривации поможет проанализировать тактики протестующих и их восприятие обществом.

Мятеж и коллективный протест

Протест характеризуется не только расхождением между ожиданиями протестующих относительно полагающихся им прав и доступных возможностей, но и различающимися представлениями о должном у разных сторон конфликта. В возникающем дискурсе, как правило, ярко разворачивается конфликт между зачастую противоположными определениями ситуации в контексте постулируемых различными группами нормативных и ценностных убеждений. Согласно нашей интерпретации, механизм рассогласования между существующими в обществе целями и средствами их достижения описывает не что иное, как нормативный конфликт, который возникает между «определяемыми культурой целями», выступающими «как требуемые законные цели для всех членов общества либо некоторых его членов» (Мертон 2006: 245), и предоставляемыми социальной системой общества легитимными способами достижения данных целей (Мертон 2006: 245).

Сосредоточимся на группе протестующих. В нашем случае, под «целями» понимаются разделяемые представления о правах граждан и обязанностях социального государства, под «средствами» – тактики протестующих. Таким образом, мы рассматриваем несоответствие между представлениями о должном (определяемыми культурой, законом правами) и формальным механизмом реализации этих прав (нормы законодательства, действия властей). Наличие несоответствия ведет к возможности использования альтернативных (вне норм законодательства) форм достижения прав (в том числе, протестных акций). Представители власти, напротив, не склонны воспринимать описываемые протестующими проблемы как существующие или значимые.

Одной из возможных реакций на нормативный конфликт является описанный Мертоном тип адаптации «мятеж» – желание депривированных групп изменить существующую социальную систему, ограничивающую их в доступе к правам. Мятеж «выводит людей за пределы окружающей их социальной структуры и побуждает представить и попытаться воплотить в реальность новую, в значительной степени модифицированную социальную структуру» (Мертон 2006: 275). Описание мятежа предполагает, что подобное поведение свойственно ограниченным в возможностях слоям населения, и определяющим свое положение как таковое. Мертон считает, что «всем [слоям общества] надлежит бороться за достижение одних и тех же высших целей» (Мертон 2006: 253), поэтому «самый сильный толчок к отклоняющемуся поведению получают низшие страты» (Мертон 2006: 261), имеющие скудные экономические ресурсы в обществе с закрытыми или суженными каналами вертикальной мобильности (Мертон 2006: 263–265). Однако в нашем понимании мятеж является более дисперсным, чем его описывает Мертон. Он может, в частности, характеризоваться различным составом участников и географическим охватом, масштабом выдвигаемых требований, диапазоном используемых средств и разной степенью легитимности. Далек не всегда его участники намерены изменить социальную или ценностную структуру.

Мы полагаем, что протест, вызванный социально-экономической депривацией, носит преимущественно локальный характер, его участники склонны в большей степени выдвигать социальные требования. При этом они признают общие для общества цели. В качестве последних в ситуации протеста выступают требования участников социального движения, а «средствами» из-за отсутствия непосредственного доступа к правам становятся тактики, которыми они стремятся донести информацию до властей и публики. Средства могут различаться относительно приписываемого им дискурсивного статуса (легитимные – нелегитимные). Они могут быть представлены в дискурсе как легитимные, то есть соответствующие общественным и правовым нормам (обозначены как «+» в табл. 1), либо могут интерпретироваться как не разделяемые властью (противоречащие закону), но «легитимированные» общественными нормами (обозначены как «+/-»), например, поскольку они обращаются к общим культурным нормам о справедливости. В первом и втором случае происходит сплочение протестующих и сопереживающей им части общества. Тактики протеста могут представляться в дискурсе в качестве нелегитимных (обозначено как «-»). Наконец, протест может предполагать потребность в коренных изменениях – отказ не только от средств, но и цели, существующей в рамках системы. Тогда протест перестает быть локальным, а политические требования становятся преваляющими. Определение степени легитимности тактик активистов, равно как и типа протеста конструируется в дискурсе. Назовем первый тип протеста «легитимным», второй – «легитимируемым», третий – «нелегитимным», четвертый – «политическим».

Таблица 1

Расширенная типология «мятежа»

	<i>превалирование политических требований</i>		<i>превалирование социальных требований</i>	
цель / характер требования	–	+		
средства достижения / тактики (присутствие легитимности)	–	–	+/-	+
	тип 4	тип 3	тип 2	тип 1

Как было показано выше, определение типа протеста происходит в дискурсивном пространстве. Однако каков механизм этого процесса? Каким образом конструируются и воспринимаются те или иные смыслы? Наконец, каким образом характер дискурса способен повлиять на политику властей, направленную на решение конфликтной ситуации? Для решения задач мы используем дискурс-анализ в рамках социологии знания (Keller 2005). Райнер Келлер приводит два измерения в контексте данного метода: материальное и символическое. Под первым понимаются: ключевые участники, их властные позиции, роль в дискурсивном пространстве, отношения участников, практики и стратегии производства и воспроизводства нарративов, элементы диспозитива. Символическое измерение призвано прояснять отношения между дискурсом и вне-дискурсивными областями социальных практик. Говоря об анализе символического, автор приводит четыре аналитические концепции: интерпретативные схемы, классификации, структура феномена (phenomenal structure), нарративные структуры или сценарии (Keller 2005).

Используя подход Келлера, мы проанализируем материальные составляющие дискурса, а также интерпретативные схемы, позволяющие проследить влияние интерпретации на действия, а, кроме того, рассмотрим структуру феномена, создаваемую различными нарративами (Keller 2005). Эмпирической базой послужат опубликованные в СМИ (электронных и печатных) материалы о голодовке многодетных матерей в Волгоградской области (проанализировано около 40 статей онлайн-версий печатных газет и информационных агентств и порталов по данной тематике, вышедших в период с 10 февраля по 22 мая 2014 г.). Для более полного освещения представленной объяснительной схемы было решено сосредоточиться на конкретном кейсе. В ходе анализа выявлялась позиция журналистов, а также цитируемых акторов (протестующих, представителей власти на разных уровнях), принадлежность издания к той или иной политической группе, используемая лексика, степень эмоциональности, тональность высказываний, вкладываемые участниками

дискурса смыслы, используемые аргументы, наличие привязки к другим событиям и контекстам.

Голодовка матерей в Волгограде

В сентябре–октябре в Волгограде проходили голодовки матерей детей-инвалидов и многодетных матерей. В первой серии голодовок можно было выделить две различные группы: (1) около 40 матерей детей-инвалидов, стремившихся «привлечь внимание властей региона к проблемам детей-инвалидов», (2) девять представителей многодетных семей, обеспокоенных проблемами «очередей в детские сады, закрытия молочных кухонь, отсутствия социального жилья» (РИА-Новости 2013). Вторая группа также требовала встречи с губернатором и министрами. Лишь требования первой группы были частично удовлетворены, в частности было «принято решение о создании в Волгоградской области инновационной модели системы реабилитации детей-инвалидов» (РИА-Новости 2013).

В повторной, значительно более многочисленной акции участвовало 382 многодетных матери (АиФ-Нижнее Поволжье 2014а). Выдвигались требования: «вернуть бесплатный проезд школьникам, льготы на оплату услуг ЖКХ незащищенным категориям граждан, отменить подорожание социальных проездных, увеличить размер пособий и перейти от теоретического к фактическому выделению земельных участков многодетным» (АиФ-Нижнее Поволжье 2014с). Участники протеста жаловались на недостаток материальных средств, льгот, невозможность получить субсидии. Протестующие отмечали, что после первой голодовки проблемы решены не были, и добивались, «чтобы <...> требования были выполнены на деле, а не на словах» (АиФ-Нижнее Поволжье 2014b). Таким образом, СМИ представляли данную акцию как расхождение между формально гарантируемыми правами и реальным отсутствием доступа к ним. Проанализируем сложившийся вокруг протеста дискурс, сфокусировавшись на втором кейсе.

Проведенный нами анализ позволил выделить четыре группы участников дискурса: протестующие (постулирование необходимости протеста), власти (отрицание необходимости акции), СМИ, выступающие на стороне протестующих, СМИ, выступающие против действий протестующих, в том числе на стороне власти. Дискурс матерей и властей был реконструирован на основе прямых и косвенных цитат из СМИ. Все участники занимали ярко выраженную позицию по поводу голодовки – поддерживали ее или нет. Для СМИ были характерны более полярные позиции, чем для голодающих и представителей власти. С сочувствием к голодающим выступали такие издания, как «Российская газета», сайты «Правмир», «АиФ Нижнее Поволжье». Против голодающих наиболее активно выступали «Независимая Газета», местный информационный портал «Волга-Медиа», Первый волгоградский канал.

Для формулирования своих требований, протестующие использовали аргументы «законности», ссылались на собственные права: «Мы хотим, чтобы власти не «точно» решали проблемы отдельных семей, а выполняли законы. Прежде всего, 431-й указ президента о мерах по соцподдержки многодетных семей» (Бурменко 2014а). Указывали на наличие нереализованных социальных прав: «Нет ни бесплатного зубопротезирования многодетных матерей, а это прописано по закону» (Правмир 2014). Таким образом, протестующие подчеркивают легитимность своих требований: они добиваются достижения формально гарантированного права – исполнения законодательства.

Нарративы власти преследовали различные цели: от стремления продемонстрировать бессмысленность акции до попыток делигитимации протеста. Чиновники заявляли, что «большая часть требований родителей давно выполнена, а значит необходимости в голодовке вовсе нет» (Дождь 2014). Действия протестующих осуждались, говорилось о негуманности, опасности метода осуществления протеста. На уровне представителей общественных организаций было составлено письмо с осуждением действий голодающих и призывом прекратить голодовку (Волга-Медиа 2014с). Матерям предлагалось использовать «другие, конструктивные, действенные, способы, не связанные с причинением вреда здоровью и жизни» (Волга-Медиа 2014а). Но были и более «жесткие» оценки, преимущественно – в начале голодовки. Звучали угрозы судебного иска «по статье «доведение до самоубийства» участникам голодовки» (Дождь 2014), а уполномоченная по правам ребенка обратилась в правоохранительные органы с просьбой спасти голодающих (Волга-Медиа 2014а). Были также осуществлены попытки противопоставления организаторов и участников голодовки. Та же омбудсмен охарактеризовала возглавлявших голодовку как «умелых подстрекателей и манипуляторов, способных ради своих корыстных целей рисковать здоровьем и жизнью людей, которые попали под их влияние» (Волга-Медиа 2014а). Таким образом, ключевым элементом рассматриваемого дискурса послужила делегитимация действий протестующих, не отрицающая при этом законности их требований, и в меньшей степени – делегитимация самого протеста за счет маргинализации его организаторов.

Анализ дискурсивных практик СМИ показывает большое количество различных стратегий и тактик: от различий в указании одних и тех же фактов, до привлечения других контекстов, не связанных с данной акцией (прежде всего, политического характера).

В дискурсе в поддержку протеста отмечается его массовость: в «Российской газете» указывается 346 (Бурменко 2014а), на сайте АиФ-Поволжье – 382 голодающих (АиФ-Нижнее Поволжье 2014а). Используются цифры для иллюстрации убедительности существования социальных проблем. Многодетные матери получают ежемесячно 287 руб., а также «261 рубль на ребенка в квартал <...> Если пересчитать, то получится примерно 1,45 рубля в день на человека» (Бурменко 2014а). Участники акции описываются как такие же люди, как

и читатель, тем самым, у аудитории вызывается сочувствие к ним: «При этом участвующие в голодовке родители – не маргиналы какие-нибудь, они социально успешные, только бедные. Но бедность ведь не порок, да?» (Бурменко 2014а). Приводятся истории конкретных семей, имеющих долги по квартплате, по ипотеке, рассказывается о детях протестующих и их достижениях.

В рамках данного дискурса действия властей, напротив, делегитимируются, представляются попыткой манипуляции участниками акции: «чиновники действуют по хорошо разученному сценарию, пытаются «раздробить» голодающих родителей – сулят некоторым адресную помощь за отказ от участия в голодовке» (Правмир 2014). Чиновников называют «бездушными», а находящихся на их стороне СМИ – «злопыхателями», желающими «поспекулировать», «прикормленными» информагентствами (Южный Федеральный 2014). Разгорелся скандал: для областной думы планировалась закупка «на четыре с лишним миллиона рублей двух новых иномарок» (Бурменко 2014а). На этом фоне заявления чиновников о значительном долге области выглядят несостоятельными, а действия властей дискредитируются.

Если в дискурсе в поддержку голодающих приводятся требования, способные в наибольшей степени вызвать сочувствие у широкой аудитории, то оппоненты протестующих могут опускать наиболее существенные сюжеты, понятные читателю и побуждающие его легитимировать действия протестующих. Список требований искусственно «расширяется» за счет высказывания, сделанного в интервью и вне контекста звучащего абсурдно: «всем новорожденным в День семьи выплачивать из бюджета по 15 тыс. руб., а нарекших новорожденных именем святого Георгия – по 30 тыс. руб.» (Серенко 2014). Последнее становится понятно лишь при воссоздании контекста: «Почему президент Чечни Рамзан Кадыров выделяет по тысяче долларов тем, кто называет ребенка именем Мухаммед? Чем русские семьи в таком случае хуже? Почему не наградить тех, кто назвал ребенка в честь Георгия Победоносца?» (Правмир 2014).

В публикациях, осуждающих действия голодающих, ставится под сомнение «массовость» протеста. Общее число участников акции не называется, упоминают количество активистов в конкретный день: 11 человек 24 февраля (Волга-Медиа 2014а). Следующий инструмент – выражение сомнения в самом факте голодовки: «физическое состояние [голодающих], мягко говоря, не соответствует заявленному количеству дней без еды» (Серенко 2014), «режим широко разрекламированной местными оппозиционными группами голодовки носил достаточно щадящий характер» (Серенко 2014). Голодовка называется «фарсом», «отпуском» и описывается следующим образом: «Участники акции приходят и уходят в проект, названный «голодовкой», практически как в реалити-шоу «Дом-2»» (Волга-Медиа 2014б). Почетность звания «многодетных матерей» оспаривается, поскольку статусы «матерей», «многодетных родителей» в большей степени способны вызвать сочувствие и сопереживание у аудитории читателей: «на самом деле далеко не все голодающие являются мно-

годетными родителями. А некоторые из них так и вовсе оказались плохими отцами» (Серенко 2014). Смена гендерного определения группы призвана подчеркнуть контраст между «декларируемым» и «реальным» положением дел. Приводятся следующие данные: только 12 голодающих являются многодетными матерями, поэтому они не могут выражать интересы 18,5 тыс. многодетных семей, проживающих в области (Серенко 2014). Создается «негативный» образ организаторов акции – авторитарных, властных, заставляющих рядовых участников голодать. Их обвиняют, в готовности достигать цель любой ценой: они «пытаются помешать медикам общаться с участниками акции и контролировать их состояние здоровья» (Серенко 2014), «не прочь свести старушку в могилу, чтобы «повысить градус» протестного негодования» (Серенко 2014). Организаторы называются «вождями» (Серенко 2014), рядовые участники – «заложниками» (Серенко 2014).

В этой аргументации используются отсылки к предыдущей голодовке: социальные требования «заменяются» политическими, действия протестующих криминализируется, активисты подвергаются символическому унижению, а протест низводится до членовредительства. Таким образом, голодающие вместо уважаемой в обществе социальной группы низводятся до уровня низкостатусных и опасных авторитетов с зоны – на это указывают лексемы «зек» и «лагерный душок»:

Некоторые активисты на полном серьезе обсуждали возможность проведения публичной акции с зашиванием ртов грубыми нитками <...> Подготовка к перформансу была столь серьезной, что активисты отыскали даже бывшего зека <...> Говорят, в последний момент представители обкома КПРФ испугались и отказались от столь радикальной манифестации, слишком отдающей лагерным душком (Серенко 2014).

Кроме того, голодающих обвиняли в эгоистических мотивах – в попытке «путем шантажа и скандала, решить свои бытовые проблемы» (Волга-Медиа 2014b).

Дискурс стараются вписать в иные, не связанные с протестной акцией, но представляемые как негативные социальные контексты. Так, на центральном телеканале проводились параллели между деятельностью одного из организаторов протеста и активистами Майдана (Пешехонова 2014). Тем самым организатор выставляется «внутренним» врагом государства, дестабилизирующим социальную ситуацию.

Но главным механизмом делегитимации стало вписывание голодовки в контекст предвыборной кампании оппозиционных власти сил. Упоминается, что акция проходила в здании обкома КПРФ, партии, оппозиционной к действующей власти: «Полтора десятка человек <...> уже почти две недели «рекламируют» обком КПРФ, в стенах которого и проходит акция, попутно обличая региональные и федеральные власти вкупе с «Единой Россией» (Серенко 2014). Аксию протеста сводят к желанию нового главы областного отделения партии вернуть утраченный после смерти бывшего

лидера волгоградских коммунистов политический капитал. В дискурсе используются эмоционально окрашенные, оценочные слова и лейблы: «секта» (Волга-Медиа 2014b), «маргинальные группы», «ритуальное самоубийство», «жертва», «зайти непривычно далеко» (Серенко 2014). Протест низводится не только до «полукриминальных практик», но и «довольно прибыльного бизнеса» (Серенко 2014).

Структура дискурса и его последствия

Сопоставим представленные нами дискурсы участников протеста, властей, СМИ, как выступающих в поддержку голодающих, так и против их действий, и типологию протеста (табл. 2).

Таблица 2.

Репрезентации требований, тактик протестующих и соответствующие типы протеста

<i>Участники дискурса</i>	<i>Цели</i>	<i>Средства/ тактики</i>	<i>Тип протеста</i>
Протестующие	+	+/-	Тип 2 (легитимизируемый)
Власти	+	-	Тип 3 (нелегитимный)
СМИ на стороне протеста	+	+/-	Тип 2 (легитимизируемый)
СМИ против протеста	-	-	Тип 4 (политический)

Участники акции говорят о безысходности собственного положения, что подвигло их на голодовку. Их требования не выходят за рамки положенных им социальных прав. Если следовать представленному дискурсу, они просят единственного «изменения» – соблюдения законов. Потому данный дискурс укладывается во второй тип – легитимная цель и легитимированные в сложившейся ситуации средства.

Нарративы властей характеризовались неприятием средств реализации протеста и признанием требований участников. Уместно говорить о третьем типе – нелегитимности голодовки как тактики для достижения цели. Дискурс СМИ на стороне голодающих демонстрировал солидаризацию с их требованиями. Легитимной признается цель, легитимизируется и средство, что относится ко второму, «легитимизируемому» типу.

Позиция изданий против голодовки была наиболее жесткой. Журналисты стремились найти иные причины протеста, акция переводилась из категории «социальной» в «политическую», что характерно для четвертого типа, когда цели и средства не признаются легитимными, а сам

протест провозглашается политическим: некоторые силы (в данном случае – КПРФ) вступают в альянс с группой протестующих.

Таким образом, несмотря на то, что с позиции государственной власти протест понимался как нелегитимный, влияние легитимирующего протест дискурса обусловило реакцию властей, позволившую частично удовлетворить требования голодающих. Попытка перекалфицировать протест в политический была осуществлена лишь враждебными к голодающим СМИ, поддерживаемыми при этом действия местных властей. Интенсивность данных нарративов предполагала отсутствие необходимости чиновникам в полной мере реализовывать требования матерей.

Нами показана ключевая роль дискурса в определении развития и исхода протеста. В рассмотренном случае участникам протеста удалось добиться лишь частичного достижения поставленных целей, но они смогли получить поддержку у значительной части общества, и власти были вынуждены их услышать. Интенсивность противоположных нарративов, показывающих как безосновательность акции, так и дискредитирующая организаторов голодовки, позволила власти не исполнять требования в полной мере и частично использовать «символические» меры вместо реальных.

Представленная нами типология показывает, что тип протеста определяется характером и течением дискурса. Она позволяет сопоставлять нарративы различных акторов и дает возможность прогнозировать возможные ответные шаги властей. Эта типология позволяет рассматривать возможное развитие протеста, поскольку тактики протестующих могут меняться, конфликт может стать более масштабным, социальные требования смениться политическими. Возможно и обратное движение – от масштабного к локальному. С изменением динамики протеста меняются и дискурсы, отношения их участников, интерпретативные схемы и сценарии. Представленный в статье анализ не позволяет в полной мере проследить динамику дискурсов, поскольку в данном случае позиции акторов, характер нарративов не претерпели существенных изменений.

Стоит также обратить внимание, что, целью нашего исследования был анализ протеста наиболее депривированных в социально-экономическом отношении групп, выдвигающих преимущественно социальные требования. Проанализированный нами кейс представляет пример локального протеста, он «остался» в рамках Волгоградской области и по уровню требований, и по составу протестующих и, преимущественно, участников дискурса. Мы полагаем, что подобные акции в большей степени, чем политические, зависят от дискурсивного пространства. Данные дискурсы проще анализировать, поскольку они локализованы во времени. Политический протест отличается большей сложностью дискурсов, его анализ требует более сложных подходов, а исход в меньшей степени может быть предсказан через анализ публикаций.

Выражения признательности

В публикации использованы результаты исследования, проводившегося при поддержке Российского научного фонда в рамках проекта «Многообразие видов социокультурной сплоченности в условиях российских реформ: концептуализация и квалиметрия», грант № 14–18–03784.

Список источников

- АиФ-Нижнее Поволжье*. 2014а. Волгоградским школьникам пообещали вернуть бесплатный проезд. 10.04.2014 // <http://www.vlg.aif.ru/obrazovanie/school/1147235> (дата обращения: 04.04.2014).
- АиФ-Нижнее Поволжье*. 2014b. Сколько голодающих матерей в Волгограде госпитализировано? 26.02.2014 // <http://www.vlg.aif.ru/dontknows/society/1113535> (дата обращения: 04.04.2014).
- АиФ-Нижнее Поволжье*. 2014с. Чего требуют голодающие многодетные мамы? 12.02.2014. // <http://www.vlg.aif.ru/dontknows/society/1103045> (дата обращения: 04.04.2014).
- Анурин В. И вечный бунт?.. (Предисловие переводчика) // Гарр Т. *Почему люди бунтуют*. СПб: Питер, 2005: 9–29.
- Бурменко К. 2014а. Волгоградский вице-премьер подал в суд на многодетную мать // *Российская газета*. 29.04.2014 // <http://www.rg.ru/2014/04/29/reg-ufo/grebennikov.html> (дата обращения: 04.04.2014).
- Бурменко К. 2014b. Устали от «жизни такой». В Волгоградской области объявили голодовку 350 многодетных матерей // *Российская газета*. 13.02.2014 // <http://www.rg.ru/2014/02/13/det.html> (дата обращения: 04.04.2014).
- Волга-Медиа*. 2014а. Голодовка превращается в секту? 24.02.2014 // <http://vlg-media.ru/society/golodovka-prevraschaetsja-v-sektu-27269.html> (дата обращения: 04.04.2014).
- Волга-Медиа*. 2014b. Участники голодовки в Волгограде собрались в отпуск. 24.02.2014 // <http://vlg-media.ru/society/uchastniki-golodovki-v-volgograde-sobralis-v-otpusk-27278.html> (дата обращения: 04.04.2014).
- Волга-Медиа*. 2014с. Общественные объединения Волгоградской области приняли обращение с призывом прекратить голодовку 22.02.2014 // <http://vlg-media.ru/society/obschestvenye-obedinenija-volgogradskoi-oblasti-prinjali-obraschenie-s-prizyvom-prekratit-golodovku-27205.html> (дата обращения: 04.04.2014).
- Гарр Т. *Почему люди бунтуют*. СПб: Питер, 2005.
- Дождь*. Голодовка многодетных родителей в Волгограде: власти грозят им статьей «доведение до самоубийства» 17.02.2014 // http://tvrain.ru/articles/golodovka_mnogodetnyh_oditelej_v_volgograde_vlasti_grozjat_im_statej_dovedenie_do_samoubijstva-363023/ (дата обращения: 06.05.2014).
- Зубаревич Н. Перспектива: четыре России // *Ведомости*. 30.12.2011 // http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/273777/chetyre_rossii (дата обращения: 04.04.2014).
- Клеман К. *Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому*. М.: Новое литературное обозрение, 2013.
- Климов И. «Конструктивные» и «протестные» движения как ресурс изменения социальных практик // *Журнал исследования социальной политики*. 2014. (2): 201–216.
- Крапивина Е. Хроники голодовки: многодетным родителям пожелали сдохнуть // *Южный Федеральный*. 10.02.2014 // <http://www.u-f.ru/Article/u198/2014/02/10/669608> (дата обращения: 08.05.2014).
- Мертон Р. *Социальная теория и социальная структура*. М.: АСТ, 2006.
- Пешехонова Н. Эксперты из США обучают российских оппозиционеров технологиям революции и переворотов // *Первый волгоградский канал*. 16.03.2014. http://1tvv.tv/news/obschestvo/1132190/?sphrase_id=20121 (дата обращения: 10.05.2014).
- Правмир*. В Волгограде многодетные матери объявили голодовку. 12.02.2014 // <http://www.pravmir.ru/v-volgograde-mnogodetnye-materi-obyavili-golodovku/#ixzz2zDhh9CuI> (дата обращения: 04.04.2014).
- Риа-Новости*. Голодовка многодетных родителей в Волгограде продолжается. 03.10.2013 // <http://ria.ru/society/20131003/967564400.html> (дата обращения: 04.04.2014).
- Серенко А. КАРТ-БЛАНШ. Волгоградский обком открыт на голодовку // *Независимая газета*. 18.02.2014 // http://www.ng.ru/regions/2014-02-18/3_kartblansh.html (дата обращения: 04.04.2014).
- Якобсон Л. Перспективы социальной политики. Социальная политика: коридор возможностей // *Общественные науки и современность*. 2006. (2): 52–66.
- Keller R. Analyzing Discourse. An Approach from the the Sociology of Knowledge // *Forum: Qualitative Social Research*. 2005. 6 (3). Art. 32.
- Oates S. *Revolution Stalled: The Political Limits of the Internet in the Post-Soviet Sphere*. New York: Oxford University Press, 2013.
- Vanhuyse P. *Devide and Pacify. Strategic Social Policies and Political Protests in Post-Communist Democracies*. Budapest. Central European University Press. 2006.

PROTESTERS AND AUTHORITIES: MODIFICATION OF MERTON'S «REBELLION» FOR ANALYSIS OF DISCOURSE (CASE STUDY OF A MOTHER'S HUNGER STRIKE)

Ekaterina Lytkina

In the article, I focus on the role of discourse in the perception of protests. This will concern protest in which social demands are made as well as a review of the tactics of these protesters. The position is taken that the success of a protest is determined by various discourses that emerge around it with varying degrees of intensity. Using the concept of "rebellion" by R. Merton, I suggest a typology that enables us to analyze representations of collective protest behavior in the mass media. Applying T. Gurr's explanation of protests via the term "relative deprivation", I focus on the protests of those groups most affected by social and economic deprivation groups and, as such, make mostly social demands. Such protests are determined by the protesters' acceptance of institutionalized or conventional goals that they try to achieve within varying degrees of legitimacy. This degree of legitimacy is redefined within the representations that appear in the course of discourse, which, in the end, determine the response of the authorities. To illustrate the interpretative scheme introduced here, I analyze the case of a hunger strike of mothers with multiple children that took place in February 2014 in the Volgograd region.

Key words: protests, rebellion, discourse, deprivation.

References

- AiF-Nizhnee Povolzh'e* (2014a). Volgogradskim shkol'nikam poobeshchali vernut' besplatnyy proezd [They Promised to Return Free Fares for School Children]. Available at: <http://www.vlg.aif.ru/obrazovanie/school/1147235> (accessed: 4 April 2014).
- AiF-Nizhnee Povolzh'e* (2014b). Skol'ko golodayushchikh materey v Volgograde gospitalizirovano? [How Many Starving Mothers Were hospitalized in Russia?]. Available at: <http://www.vlg.aif.ru/dontknows/society/1113535> (accessed: 4 April 2014).
- AiF-Nizhnee Povolzh'e* (2014c). Chego trebuyut golodayushchie mnogodetnye mamy? [What Do Mothers with Many Children demand?]. Available at: <http://www.vlg.aif.ru/dontknows/society/1103045> (accessed: 4 April 2014).
- Anurin V. I (2005) Vechnyy bunt? [And an Endless Rebellion?]. Gurr T. *Pochemu lyudi buntuyut* [Why Men Rebel], Saint Petersburg: Piter: 9–29.
- Burmenko K. (2014a). Volgogradskiy vitse-prem'er podal v sud na mnogodetnyuyu mat [Volgograd's Vice Prime Minister Sued a Mother with Many Children]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. Available at: <http://www.rg.ru/2014/04/29/reg-ufo/grebennikov.html> (accessed: 4 April 2014).
- Burmenko K. (2014b). Ustali ot "zhizni takoy". V Volgogradskoy oblasti ob'yavili golodovku 350 mnogodetnykh materey [Tired of "Such Life". 350 Mothers of Many Children Went on Hunger Strike in Volgograd Region]. *Rossiyskaya gazeta* [Russian Newspaper]. Available at: <http://www.rg.ru/2014/02/13/det.html> (accessed: 4 April 2014).
- Dozhd'* (2014). Golodovka mnogodetnykh roditeley v Volgograde: vlasti grozyat im stat'ey "dovedenie do samoubiystva" [Hunger Strike of Parents with Many Children: The Authorities Threaten Them with the "Incitement to Suicide" law]. Available at: http://tvrain.ru/articles/golodovka_mnogodetnyh_roditelej_v_volgograde_vlasti_grozjat_im_statej_dovedenie_do_samoubiystva-363023/ (accessed: 6 May 2014).
- Gurr T. *Pochemu lyudi buntuyut?* [Why Men Rebel?]. Saint Petersburg: Piter, 2005: 9–29.

Ekaterina Lytkina – PhD student at the Department of General Sociology, research assistant at the Laboratory for Comparative Social Research of the National Research University Higher School of Economics (NRU HSE), Russian Federation. E-mail: elytkina@hse.ru

- Keller R. (2005) Analyzing Discourse. An Approach from the the Sociology of Knowledge // Forum: *Qualitative Social Research*, 6 (3), Art. 32.
- Kleman K. (2013) Gorodskie dvizheniya Rossii v 2009–2012 godakh: na puti k politicheskomu [City Movements in Russia in 2009–2010: on the Way to the Political]. Moscow: *Novoe literaturnoe obozrenie*.
- Klimov I. (2014) "Konstruktivnye" i "protestnye" dvizheniya kak resurs izmeneniya sotsial'nykh praktik ["Constructive" and "Protesting" Movements as a Source of Social Change in Practices]. *Zhurnal issledovaniya sotsial'noy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], (2): 201–216.
- Krapivina E. (2014). Khroniki golodovki: mnogodetnym roditelyam pozhelali sdokhnut' [The Chronography of the Hunger Strike: They Wished the Parents with Many Children to Perish]. *Yuzhnyy Federal'nyy*. Available at: <http://www.u-f.ru/Article/u198/2014/02/10/669608> (accessed: 8 May 2014).
- Merton R. (2006) *Sotsial'naya teoriya i sotsial'naya struktura* [Social Theory and Social Structure]. Moscow: AST.
- Oates S. (2013) *Revolution Stalled: The Political Limits of the Internet in the Post-Soviet Sphere*. New York: Oxford University Press.
- Peshkehonova N. (2014). Eksperty iz SShA obuchayut rossiyskikh oppozitsionerov tekhnologiyam revolyutsii i perevorotov [Experts from the USA Teach the Russian Opposition of the Technologies of Revolutions and Regime Change]. *Pervyy volgogradskiy kanal* [The First Volgograd Channel]. Available at: http://1tv.tv/news/obshchestvo/1132190/?sphrase_id=20121 (accessed at: 10 May 2014).
- Pravmir* (2014). V Volgograde mnogodetnye materi ob'yavili golodovku [In Volgograd Mothers with Many Children Announced a Hunger Strike]. Available at: <http://www.ppravmir.ru/v-volgograde-mnogodetnye-materi-obyavili-golodovku/#ixzz2zDhh9CuI> (accessed: 04 April 2014).
- Ria-Novosti* (2013). Golodovka mnogodetnykh roditeley v Volgograde prodolzhaetsya [Hunger Strike in Volgograd Continues]. Available at: <http://ria.ru/society/20131003/967564400.html> (accessed: 04 April 2014).
- Serenko A. KART-BLANSh. Volgogradskiy obkom otkryt na golodovku [Carte Blanches. The Volgograd Regional Party Committee is Opened for a Hunger Strike]. *Nezavisimaya gazeta* [Independent Newspaper]. Available at: http://www.ng.ru/regions/2014-02-18/3_kartblansh.html (accessed: 04 April 2014).
- Vanhuyse P. (2006) *Devide and Pacify. Strategic Social Policies and Political Protests in Post-Communist Democracies*. Budapest: Central European University Press.
- Volga-Media* (2014 a). Golodovka prevrashaetsya v sektu? [Is Hunger Strike Turning into a Religious Sect?]. Available at: <http://vlg-media.ru/society/golodovka-prevrashaetsya-v-sektu-27269.html> (accessed: 4 April 2014).
- Volga-Media* (2014 b). Uchastniki golodovki v Volgograde sobralis' v otpusk. [Participants of the Hunger Strike Plan to Go on Vacation]. Available at: <http://vlg-media.ru/society/uchastniki-golodovki-v-volgograde-sobralis-v-otpusk-27278.html> (accessed: 4 April 2014).
- Volga-Media* (2014 c). Obshchestvennye ob'edineniya Volgogradskoy oblasti prinjali obrashchenie s prizyvom prekratit' golodovku [Public Associations of the Volgograd Region Have Adopted a Call with an Appeal to Stop the Hunger Strike]. Available at: <http://vlg-media.ru/society/obshchestvennye-obedineniya-volgogradskoi-oblasti-prinjali-obraschenie-s-prizyvom-prekratit-golodovku-27205.html> (accessed: 4 April 2014).
- Yakobson L. (2006) Perspektivy sotsial'noy politiki. Sotsial'naya politika: koridor vozmozhnostey [The Horizons of Social Policy. Social Policy: the Corridor of Possibilities]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity], (2): 52–66.
- Zubarevich N (2011). Perspektiva: chetyre Rossii [Prospect: Four Russias]. *Vedomosti* [News]. Available at: http://www.vedomosti.ru/newspaper/article/273777/chetyre_rossii (accessed: 4 April 2014).